

ЯЗЫК И РЕЧЬ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: СТЕРЕОТИП И ТВОРЧЕСТВО

П.А. ЛЕКАНТ

*(Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия)*

УДК 811.161.1
ББК Ш141.2-2

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация: В статье анализируется положение русского языка в связи с «переломными» историческими изменениями, произошедшими в двадцатом столетии, а также отношением власти и общества к проблемам языка и речи. Оценивается состояние современной русской речи, требующее решительного изменения отношения социума к речевой культуре.

Ключевые слова: язык, речь, норма, публичная речь, речевая культура.

Русский язык, конечно, стал великим не в ту пору, когда его оценил И.С. Тургенев, – он был великим, свободным, правдивым на протяжении всей его нелегкой многовековой жизни [Виноградов 1945: 5-8]; он остается богатым, могучим и свободным в нынешнее сложное время.

Современный русский язык новейшего периода прошёл тяжёлые испытания вместе с русским народом по пути длиной в век: от Первой мировой войны, двух революций 1917 г., Гражданской войны, становления советского общества – до разрушения Советского Союза и советского общества, мучительных усилий становления нового общества.

Русский язык вместе с русским, советским народом прошёл героический путь Великой Отечественной войны.

Русский язык вступил в означенную пору во всей полноте богатства, блеска, великолепия. Язык поэзии, прозы, драматургии – в расцвете; после А. Чехова, И. Бунина, А. Блока было невозможно, стыдно писать плохо. В сложные, тяжелые и великие годы революционных

перемен, полные энтузиазма, надежд, разочарований, поисков, страха, иллюзий, крови, великая русская литература продолжала жить.

Жила и лингвистика – русистика, славистика; читал лекции академик А.А. Шахматов, усердно учился студент В.В. Виноградов; славист А.М. Селищев откликнулся на одну из главных задач революционного времени – борьбу с неграмотностью: «Борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости» [Селищев 1968: 143].

Советское правительство в 1918 г. официально ввело Реформу русской орфографии и графики, подготовленную русскими учеными в начале XX века (заметим в скобках, что бесшабашные и безграмотные постсоветские журналисты обвинили правительство коммунистов в покушении на историческое богатство русского языка).

Языковая ситуация этого времени была очень сложной. Руководители Советской республики были в большинстве своем образованными людьми, массы рабочих и крестьян – малограмотными или неграмотными. Требовалась перестройка языка печати в сторону понятности, доступности: «То, что годится для иностранного словаря, – для газеты не годится», – писал В. Маяковский. «В первое время революционной деятельности язык печати – язык, доступный пониманию среднего рабочего. Малопонятные иностранные слова поясняются в скобках близкими по значению русскими словами. Позднее же язык некоторых центральных органов возвращается к старому, тяжёлому, официальному языку» [Селищев 1968: 142].

Распространению, внедрению общенародных норм русского языка способствовали служба в армии, работа на заводах, на стройках. Говорить «по-городскому» стало привлекательно. Всю страну охватила работа по ликвидации безграмотности – ликбез.

В русскую литературу хлынули молодые поэты и прозаики, которых учил грамотному языку, как известно, М. Горький: «Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна чёткая идеология. Необходимо жесточайше бороться против всех попыток снижения качества литературы» [РПЯ: 334-335].

В этой борьбе решался острый для того времени вопрос об использовании в литературе «местных», т.е. диалектных слов, которыми явно злоупотребляли молодые литераторы. Мнение М. Горького было неоспоримым: «Писатель должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».

По мнению В.Г.Костомарова, «связанная с авторитетом М. Горького дискуссия 1934 года наметила путь к массовому окультуриванию речи» [Костомаров 1999: 6]. Этот «путь» реализовался всей структурой государственных органов образования, культуры, печати, радио.

Вопрос о нормативности, о стабильности литературного русского языка был неотделим от проблемы преемственности русской литературы: «Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается *всей* предшествовавшей литературой» [Пешковский 1959: 55].

Важнейшим лингвистическим и культурным событием 30-х годов стало написание и издание Толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. Словарь, созданный авторитетными учёными, закрепил нормы русского литературного языка, сложившиеся к началу XX века, и отметил некоторые изменения, тенденции нового времени. Система норм была не только определена, но и реализовалась в публичной и в личной, обиходной речи. Языковая ситуация продвигалась к желаемой гармонии: «Языковая система лежит в основе речевой деятельности» [Костомаров 1999: 284].

В этот период намечается перелом в системе норм произношения. Старое московское произношение как категория **речи** «исчезло безвозвратно» [Щерба 1957: 110]. Становилось ясно, что «будущее русское образцовое произношение пойдёт по пути сближения с письмом» [Там же: 111]. Однако этот процесс не был и не мог быть решительным и быстрым. Автор данной статьи в пятидесятые годы на студенческой, так сказать, скамье старательно выучивал старомосковские нормы орфоэпии.

Война приостановила эту созидательную культурноречевую работу. Простому народу на фронте и в тылу было не культурной речи. «Мало слов, а горя реченька – горя реченька бездонная».

На радио звучала образцовая русская речь – официальная, публичная. Диктор Левитан безукоризненно соблюдал нормы старомосковского произношения, а равно и другие дикторы. Студенты-филологи старательно выучивали эти нормы, говорили правильно. Счастливицы могли послушать запись на патефонной пластинке лекции Д.Н. Ушакова «О московском произношении» в образцовом исполнении «старого москвича» – самого Ушакова. В г. Тобольске В.В. Виноградов читал лекции студентам Омско-Тобольского пединститута, слушала их вместе с другими Вера Белошапкина.

Во время войны в официальной речи и в художественной речи очень заметно активизировалось употребление высокой, патетической лексики и фразеологии: *святой, священный, благородный (ярость благородная, священная война), осенять – осенить, вдохновлять – вдохновить, воодушевлять – воодушевить; честь, слава, величие, расплата, мценне, подвиг* и др.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идёт, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А. Твардовский. «Василий Тёркин»

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Но горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя понесём,
И внукам дадим, и от плена спасём.
Навеки!

А. Ахматова. «Мужество»

В послевоенные годы создалась довольно сложная языковая ситуация. Поддержка «правильной речи» была очень важна для советского общества, перенесшего тяжёлые испытания, ослабленного потерями, живущего бедно, но воодушевленного восстановлением. Выходили огромными тиражами дешёвые издания классиков русской литературы, пропагандировалась музыкальная культура в программах радио. Народ трудился и читал и слушал. Скромные патефоны озвучивали лучшие классические произведения, лучшие голоса.

Именно в эти годы развернулась колоссальная работа по овладению русским языком – **средством межнационального общения** в союзных республиках.

Радио-, а затем и телеведущие говорили образцово, вольностей и, тем более, пошlostей не допускали. Московский Малый театр оставался образцом русской речевой культуры, актёры безукоризненно соблюдали нормы старомосковского произношения. «Театр у микро-

фона» разносил нормы образцовой русской речи по всему великому пространству Советского Союза.

В то же время язык прессы становился всё более казённым, тяжёлым, штампованным, а с ним и вся официальная речь. Тускнела и становилась шаблонной художественная речь многих авторов – под тяжестью низкопоклонства и цензуры. Росла тоска читателя по тем творениям литературы, «где жар живой, правдивой речи, а не вранья холодный дым» (А. Твардовский).

В 60-е годы литература откликнулась на эти ожидания: стояла «Оттепель». К этому времени можно отнести обсуждение проблем русского языка и русской речи. Проблемы орфографии переросли в широкую дискуссии о состоянии русского языка. Корней Чуковский, позаимствовавший название книги «Живой как жизнь» у Н. Гоголя, поставил диагноз «болезни русского языка» – *канцелярит*. Конечно, больна была публичная речь того времени, а не русский язык. Канцелярского, т.е. шаблонного, серого, убогого, – довольно («достаточно») и в современной публичной речи: чего только стоят *держат ситуацию под контролем, поднять планку* и др. «Канцелярит» отстывает медленно и лавирует, подлаживается под речевую моду.

В обозначенное время лингвисты начинают разрабатывать кодекс культуры речи. Одним из главных теоретиков этого кодекса стал Б.Н. Головин. Он надеялся, что «речевая личность» – это человек сознательный и ответственный, заботящийся о «коммуникативных качествах речи»: «возникает вопрос о личной ответственности человека перед обществом в области речевого поведения. Если это поведение таково, что даёт основание видеть в нём воплощение бедного, серого, неряшливого личностного стиля, можно говорить о забвении человеком своих нравственных и культурных обязанностей и обязательств перед обществом» [Головин 1988: 268-269]. Вот так!

Наряду с «канцеляритом», русский язык последней трети минувшего века испытывал симптомы другого опасного недомогания – «уркологии». Тюремное арго («блатная музыка») выплеснулось на литературные страницы, стало сливаться с молодёжными жаргонами, полюбилось пишушей братии. В советский период «гласности», «ускорения», расшатывание речевых норм стало отождествляться с «демократизацией языка», «инициаторы свободного обращения с языком – журналисты и иные профессионалы пера» [Костомаров 1999: 10].

Разрушение Советского Союза открыло шлюзы литературно-языковой нормы – всё низкое хлынуло в СМИ. Стали всерьёз обсуждаться «права» мата на участие в литературном творчестве – «поле

брани» остроумно обозначил эту проблему Максим Кронгауз [Кронгауз 2007: 158 и далее].

«Инициаторы» из СМИ поспешили приписать речевые неудачи, ошибки, несуразности русскому языку. Были созданы и раздуты мифы: «Русский язык портится»; «Русский язык отстал от жизни»; «Надо помогать русскому языку» и др.

Языковеды не всегда тверды в оценке ситуации, спешат с выводами о влиянии отрицательных речевых явлений на литературно-языковые нормы. «В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной» [Костомаров 1999: 5] – надо ее отстаивать, защищать!

В первые постсоветские годы некоторые языковеды поспешили объявить об изменениях в русском языке, даже о процессах, в том числе о процессе «демократизации языка» – справедливо назвать их «мнимыми» [Шмелёв 2010: 281].

Стабильность и «осмотрительность» русского языка – гарантия его самоочищения. «Если бы язык был преходящим, быстротекущим, мгновенно изменяющимся, то пользоваться им было бы невозможно» [Норманн 2006: 116].

Безудержное и неряшливое употребление чужих слов – это очень плохое качество современной русской речи – особенно «избыточные» заимствования [Кронгауз 2007: 102]; многие из них стали «модными»: *имидж*, *саммит*, *мониторинг* и пр. Хороший совет: «не бороться за «чистоту» языка, а доверять ему» [Новиков 2005: 152].

Но как быть с **речью** – личной и публичной? Как быть с «языковой личностью»? «Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Караулов 2009: 38]. А может ли быть личность без языка?

А как быть с «речевой личностью» малограмотной, самоуверенной, равнодушной? Можно ли этой личности «доверять»?

Нет, бросать речевую личность нельзя. Надо убеждать её элементарно учиться: склонять числительные; выбирать падежи; не говорить «самое ближайшее время»; не употреблять впустую *достаточно*; избавляться от сорных слов *в общем-то, как бы, это самое* и пр.

Русскому языку, великому русскому языку великого народа, надо учиться постоянно, всю Жизнь. Это не стыдно – стыдно говорить плохо!

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. Великий русский язык. – М.-Л., 1945.
Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М., 1988.

- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 2009.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. – СПб., 1999.
- Кронгауз Максим.* Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2007.
- Новиков Владимир.* Словарь модных слов. – М., 2005.
- Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. – М., 2006.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. – М., 1959.
- Русские писатели* о языке. Хрестоматия. – Л., 1954 [РПЯ].
- Селищев А.М.* Революция и язык // Избранные труды. – М., 1968.
- Шмелёв А.Д.* Изменения в русском языке нашего времени: мифы и реальность // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – М., 2010.
- Щерба Л.В.* О нормах образцового русского произношения // Избранные труды по русскому языку. – М., 1957.
- Юдина Н.В.* Русский язык в XXI веке: кризис? Эволюция? Прогресс? – М., 2010.

© Лекант П.А., 2012